

К ОБРАЗУ АПОЛЛИНАРИЯ СИДОНИЯ: ЧЕЛОВЕК ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Е.В. ЛИТОВЧЕНКО

*ГОУ ВПО «Белгородский
государственный
университет»*

*E-mail:
Litovchenko@bsu.edu.ru*

Данная работа посвящена одному из аспектов сложной переходной исторической эпохи – поздней античности. Микроуровень истории, «антропологическое измерение» исторического процесса стимулируют обращение к тому, каким образом крупная историческая эпоха, смена парадигм цивилизации отражалась в ментальности человека. Личность позднеримского магната и писателя Аполлинария Сидония как нельзя лучше подходит для раскрытия данной темы. Формально приняв христианство и даже став епископом, Сидоний воплотил в себе мировоззрение «последнего римлянина» – хранителя угасающей культуры. Автор приходит к выводу о том, что Сидоний реагировал на происходившие исторические события, но предпочитал сохранять свои консервативные идеалы. По чисто внешним признакам в новой эпохе наступавшего Средневековья образ Сидония был интерпретирован уже в рамках средневековых культурных парадигм.

Ключевые слова: поздняя античность, Галлия, епископ, послания, панегирик, император, континуитет, цивилизация, менталитет, аристократия, варвары, традиция.

Проблема трансформации античного общества в средневековое, в цивилизацию нового типа – из числа самых сложных в исторической науке. Одним из наиболее важных аспектов этой проблемы является, прежде всего, восприятие и интерпретация данного процесса современниками.

В попытке понять и объяснить мироощущение «последних римлян», степень влияния на их взгляды старых (античных) и новых (христианских) элементов, составляющих духовную основу цивилизации проявляется реальная возможность для современных историков по-новому подойти к изучению некоторых источников.

В последнее время появилось значительное количество работ, рассматривающих социальную психологию, образ мыслей, ценностные ориентации различных слоев в Римской империи¹. Признано, что каждая эпоха имела специфические особенности мировосприятия, нормы мышления, формы и традиции поведения. Открылись возможности для познания эпохи через человека, через проникновение в самосознание изучаемого времени, через рассмотрение «картины мира», т.е. в том виде, в каком этот мир реально жил с сознанием человека².

Новое прочтение источников – также достаточно актуальная проблема современной исторической науки. Анализ произведений на основе комплексного подхода позволяет использовать их и как источник по истории культуры, и в то же время как источник по экономической, социальной и политической истории, из которого при применении различных методов исследования оказывается возможным извлечь новые данные о состоянии общества и конкретной личности.

Новое прочтение и интерпретация ранее сравнительно мало привлекаемых источников позволяют историкам глубже и более всесторонне проанализировать все закономерности исторического процесса, приведшего к фундаментальным изменениям в жизни мировой цивилизации. Опыт и достижения Римской цивилизации носят универсальный характер и оказывают значительное влияние на современную жизнь.

В последние века существования империи ее территория настолько расширилась и включила в свой состав столько варварских земель, что управлять ими из Рима становилось все сложнее. Поэтому на этих территориях все большее и большее значение

¹ См., например, диссертацию: Евтухов И.О. Концепция человека поздней античности. Мн., 1991. Автор, однако, сосредоточил свое внимание на христианине эпохи поздней античности.

² Шкаренков П.П. Флавий Кассиодор: римский сенатор в эпоху крушения империи // Диалог со временем. 2002. 8. С. 392.

приобретает местное население, все больше и больше включающееся в систему Римской цивилизации. Уже в III веке нашей эры многие из них (особенно галлы) настолько романизируются, что из категории *gentile* или *foederati* переходят в категорию *cives*, то есть фактически становятся гражданами империи³.

Оставаясь этническими варварами, такие народы настолько воспринимают традиции новой для них римской цивилизации, что становятся римлянами не только по форме, став ее гражданами, но и по существу (например, такие деятели позднеримской культуры, как Авзоний, Аполлинарий Сидоний, Рутилий Намациан, которые были галлами по своему происхождению). Начинается процесс романизации Европы к северу от Альп и к востоку от Дуная, то есть территории, населенной до этого в основном германскими племенами.

Вместе с тем роль варварского элемента в самой империи уже к IV веку настолько усиливается, что это приводит к обратному процессу – наряду с романизацией Европы идет и все более и более активный процесс варваризации самой империи⁴.

Одной из основных причин падения Римской империи в 476 г. европейская историография прошлых лет считала разгром и завоевание Рима варварами, чуждыми традициям античной цивилизации и находящимися на низком уровне развития. Однако, для самих жителей империи ее упразднение предводителем германцев Одоакром вряд ли выглядело как нашествие со стороны. За два десятилетия до этого, в 452 и 455 годах, она подвергалась гораздо более страшным и опустошительным нашествиям (имеются в виду племена гуннов и вандалов). Тем не менее, империя еще продолжала существовать на востоке реально, а на западе в форме «римского мифа»⁵.

Романизированные германцы на протяжении практически всего IV столетия уже были настоящими римлянами, они составляли основу римского войска, получали за это во владение землю, становясь римскими же землевладельцами и римскими патрициями, избирались на консульские должности.

По мнению Дж.-М. Уоллес-Хедрилла, возникновение цивилизации средневековой Европы, которая стала началом современной европейской цивилизации, – это во многом процесс обретения варварами самосознания римлян. Именно поэтому, несмотря на кардинальную перемену этнической картины расселения народов, ставшей следствием «великого переселения», социально-экономического устройства мира (феодализация, пришедшая на смену системе классического рабовладения) и его мировоззренческих основ (христианизация, заменившая язычество как самих римлян, так и варваров), возникшие на развалинах Западной империи новые государства, так или иначе, стремились воспроизвести модель развития классического Рима⁶.

В пользу этого утверждения свидетельствуют и слова французского историка XIX века Жюль Мишле: «Можно ли сказать, <...> что этот всепоглощающий Рим не оставил ничего, например, на галльской почве, откуда он также удалился? То, что он оставил здесь, было, в самом деле, неизмеримо. Он оставил здесь организацию, администрацию. Он основал общину (*cite*); Галлия прежде имела только села и, самое большее, города. Эти театры, цирки, водопроводы, эти дороги, которым мы до сих пор удивляемся, служат прочным символом цивилизации, основанной римлянами, оправданием их покорения Галлии. И такова сила этой организации, что даже тогда, когда жизнь ее, казалось, удалялась, тогда как варвары готовы были ее уничтожить, она подчиняла их себе против их воли. Они принуждены были нехотя жить под этими несокрушимыми сводами, которых не могли поколебать; они склоняют голову и, несмотря на то, что они победители, получают законы от побежденного Рима»⁷.

Фундаментальной основой римской цивилизации являлось государство. После нестабильности и потрясений III века, с установлением системы *домината* при

³ Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье 400-1000 : пер. с англ. А.П. Санина. СПб.: Евразия, 2002. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. С.78.

Диоклетиане и его преемниках, империя получила возможность сохранять устойчивое положение еще почти целое столетие. Однако в V веке от этого равновесия не осталось и следа. Вновь активизируются варвары, и теперь уже территориальные вопросы решаются в их пользу. Императорская власть, переходя из одних рук в другие, дискредитируя сам институт, постепенно утрачивает свой авторитет.

Языческие культы под напором христианства сдают свои позиции. Гонения на христиан при Диоклетиане и языческая реставрация Юлиана стали последними попытками отстоять языческую религию. Реальным выражением триумфа христиан стало закрытие в 529 г. Платоновской академии.

Кризис всех систем (политической, социальной, духовно-религиозной) в их совокупности, в конечном итоге, приводит западную империю к гибели. Падение государства на Западе в 476 г. можно считать концом позднеантичной цивилизации, лишь если считать государственность важнейшим ее элементом. Однако, второй по важности элемент – языческая в своей основе культура – еще целое столетие существует как самостоятельный пласт культуры раннего средневековья⁸.

По мере обострения физической угрозы римляне с растущей озабоченностью размышляли о своем культурном наследии. Оно было сложным и многосторонним. В него входил пласт философии, давшей цивилизации идейные основы развития на многие века вперед; религии – культ языческих богов, в условиях которого существовал древний мир; литературы – набор классических приемов и произведений, от которых к нашему времени протянулись отдельные нити; и, наконец, пласт права⁹.

По словам историка-медиевиста Ж. Ле Гоффа, «очень трудно оценить, в какой мере умственный инструментарий античности (словарь, понятия, методы) перешел в средние века. Степень его восприятия, преобразования, искажения меняется от одного автора к другому, и часто даже один и тот же автор колеблется между двумя полюсами средневековой культуры – страхом перед языческой литературой, бегством от нее и страстным восхищением ею, влекущим широкие заимствования»¹⁰.

Процесс становления западнохристианской цивилизации рассматривается современными учеными преимущественно с позиций континуитета между позднеантичной и раннесредневековой Европой (А. Кэмерон¹¹, П. Браун¹², П. Шувэн¹³, Г. Бауэрсок¹⁴, Дж.-М. Уоллес-Хедрилл, В.И. Уколова), в которой уже в IV-VI вв. был осуществлен глубокий синтез элементов греко-римской и христианской традиций, а также этнический романо-германский синтез. Уже значительная литература рассматривает позднюю античность с позиции новой парадигмы¹⁵. Все чаще поздняя античность предстает как особая самоценная историческая эпоха.

Особый интерес вызывает проблема восприятия и интерпретации этой эпохи и происходивших в ней процессов современниками. В последнее время появилось значительное количество работ, рассматривающих социальную психологию, образ мыслей, ценностные ориентации личности и общества в целом в различные исторические эпохи (В. Уколова, П. Шкаренков, В. Шкуратов, Р. Тарнас, И. Евтухов, Е. Боброва и др.), в частности, и в Поздней Римской империи.

Литература и эпистолография конца IV – начала VI вв. позволяют нам составить представление о мировосприятии людей эпохи «заката» Римской империи. Переписка

⁸ См.: Например, Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. С.3-18.

⁹ Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Ук. соч. С. 18.

¹⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 107.

¹¹ Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity. AD 395-600. L., 1993.

¹² Brown P. The World of Late Antiquity. AD 150-750. L., 1971.

¹³ Chuvin P. Chronique des derniers païens. P., 1990.

¹⁴ Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. –Ann Arbor, 1990.

¹⁵ Болгов Н.Н. Поздняя античность: очерки истории и культуры. Белгород, 2007 (в печати). См. также: Селунская Н.А. Осень Средневековья и Поздняя Античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // Диалог со временем. 13. 2004. С. 232-246; Late Antiquity: A guide to the Postclassical World / Ed. by Bowersock G., Brown P., Grabar O. Camb. Mass., 1999; Interpreting Late Antiquity: essays on the Postclassical World / Ed. by Bowersock G., Brown P., Grabar O. Camb. Mass., 2001.

проливает свет на настроения поздней западноримской аристократии, раскрывает мысли и чувства образованных представителей римского общества, которые в состоянии были осознавать происходящие события и прогнозировать будущее. Анализируя эти источники, мы получаем возможность проникнуть в повседневную жизнь римского нобилитета, как в общественную, так и частную.

Одними из наиболее характерных для данной эпохи были взгляды, мироощущение, образ жизни и восприятие картины мира уроженца Галлии Сидония Аполлинария¹⁶, епископа Клермонского, канонизированного церковью, и, одновременно, представителя слоя так называемых «последних римлян»¹⁷, культурной заслугой которых было, как известно, сохранение и передача классических античных традиций следующей эпохе.

Особенностью картины мира западно-римской аристократии IV-VI вв. является устойчивая приверженность римским (классическим) ценностям, римскому образу жизни в целом, что дает основания называть многих ее представителей «последними римлянами»¹⁸.

Гай Соллий Модест Аполлинарий Сидоний (Gaius Sollius Modestus Apollinaris Sidonius) (≈430-485 гг.) – латинский писатель из Галлии (Лугдун), представитель высшей провинциальной знати, зять императора Авита, префект Рима. С 461 г. жил в своем поместье Авитак в Оверни. С 470 г. – епископ Клермона; в этом качестве возглавлял оборону города от вестготов. В 471-476 гг. – в ссылке в Испании, затем – снова епископ¹⁹. Впоследствии Сидоний был канонизирован как христианский святой.

От Сидония сохранилась книга стихов (24 стихотворения) и девять книг писем. Стихи его продолжают традицию Клавдиана – это панегирики, эпиталамии, стихи на случай, лежащие почти целиком в русле классической традиции. Письма Сидония внешне следуют традиции Плиния и Симмаха: это продуманно составленные сборники, где реальные письма с просьбами, поздравлениями, утешениями перемежаются с посланиями, написанными специально для публикации, панегирического или описательного содержания, интересными для истории быта. Это источник, в котором воссоздаются не абстрактно-теоретические построения, а конкретно-исторические и социальные реалии эпохи, обличенные в риторическую форму.

Несмотря на то, что Сидоний родился в христианской семье и закончил свою жизнь в сане епископа Клермон-Феррана, его поэзия и проза, благодаря языческим мотивам, гораздо ближе к произведениям Клавдиана и Симмаха Старшего, чем к творениям Амвросия Медиоланского и Августина Блаженного. Именно поэтому Сидония причисляют к «последним римлянам» наряду с Авзонием, Кассиодором, Боэцием.

На долю Сидония выпала сложная роль представителя переходной эпохи, когда окружающий мир стремительно менялся: на смену монолитной и стабильной политической системе римской государственности приходили разрозненные и политически обособленные варварские королевства, которые, постоянно враждуя между собой, вели римский мир и античную культуру к постоянному ослаблению. Происходил политический распад прежде единого мира, сопровождающийся усилением раздирающих его противоречий и военных конфликтов.

По свидетельствам ближайших предшественников и современников Сидония – христианских авторов Лактанция (ок. 250 – ок. 330 гг.) и Сальвиана (V век)²⁰, жизнь римлян этой эпохи характеризовалась не только тяжелым экономическим положением, засильем варваров, произволом чиновников, но и общим падением нравов.

¹⁶ В старой отечественной литературе Сидонию была посвящена монография: Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний. М., 1870.

¹⁷ Одно из первых исследований о них в России: Карсавин Л.П. Магнаты конца Римской империи. М., 1910.

¹⁸ Уколова В.И. «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1992. № 1. Подход автора к поздней античности здесь и в других работах, скорее, медиевальный.

¹⁹ Болгов Н.Н. Античные письменные источники: Рим. Белгород, 1998. С. 39.

²⁰ К сожалению, более точную дату привести невозможно. Согласно «Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона» род. в 390 г., ум., по одним данным, в 484, по другим, в 492 г. (полная он-лайн версия словаря <http://www.vashpreezd.ru/word>).

Но как бы ни обстояло дело с низшими слоями населения, какова бы ни была печальна ситуация в экономике, что оказалось роковым в исторической перспективе, аристократия сохраняла уверенность в себе и продолжала вести традиционный для римского нобилитета образ жизни.

Исследуя внутренний мир человека прошлого, рассматривая его собственное восприятие картины мира, т.е. образ реального мира, преломленный сознанием его современника, мы можем получить наиболее полное, «живое» представление об эпохе. Действительность в интерпретации Сидония получает некий эталонный, вневременной характер, конкретные детали исторического бытия образуют новое, не реально-историческое, а историко-культурное единство²¹.

Из писем Сидония мы получаем подтверждения того, что образ жизни римских аристократов V века, несмотря на их принадлежность к христианской религии, клиру, мало изменился. Эти источники свидетельствуют о том, как классическая древность и прежние общественные традиции проникали в высшее христианское духовенство в эпоху падения Западной Римской империи в противоположность нравам и обычаям древних христиан эпохи гонений.

В письме к одному из друзей, приглашая того посетить его виллу, Сидоний подробно описывает свое поместье и обычные занятия, которым он предается в часы досуга. Среди них – игры: в мячи (pila) и в кости (tabula), охота, прогулки, литературное творчество. Привычка и любовь к играм и зрелищам (вековые традиции) были так крепки, что сломать их не была в состоянии никакая сила. Игры и зрелища – это одно из тех языческих установлений, которое, невзирая ни на какие превратности исторических событий, продолжало существовать рядом с христианской церковью до последних дней жизни императорского Рима²². Сидоний пишет: «В ту же минуту, разделяясь на две партии, смотря по летам, одни требовали с громким криком игру в мячи, другие – стол и кости. Что касается меня, то я первый подал знак к игре в мячи, которую, ты это знаешь, я люблю так же, как и книги. <...> Мы же вместе с толпою школьников натешились вдоволь, чтобы здоровым движением размяться после долгого и утомительного стояния»²³.

Заметим, что письмо датируется примерно 480 г., т.е. к этому времени Сидоний уже довольно давно был в сане епископа. Еще более занимательным является тот факт, что под «долгим и утомительным стоянием» Сидоний подразумевает церковную службу, точнее, заутреню (vigilia). Исполнив эту необходимую, но явно не привлекательную для него обязанность, Сидоний вместе с другими представителями высшего общества и духовенства с радостью предается более привычным и приятным занятиям: «...знатнейшие граждане собрались у гробницы консула Сиagriя <...>, мы легли на зеленой лужайке. <...> Разговор шел приятно, весело, шутливо. <...> Всякий, кто мог красочно рассказать занимательную историю, был уверен, что его выслушают с жадностью. Во всяком случае, не было связанных рассказов, потому что веселость слушателей часто прерывала речь»²⁴.

Одним из самых достойных занятий римского интеллектуала IV-V вв. было литературное творчество. Практически каждый человек, получивший риторическое образование, мог считать себя писателем. «В античном мире риторика обладала не только эстетическим и литературно-лингвистическим смыслом; она играла также роль определенной модели культуры. Риторическая система норм и правил была пригодна к оформлению любого материала и могла обслуживать самые разные творческие индивидуальности, подчиняя поиски, стремления и находки каждого единому канону.

²¹ Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 22.

²² Там же. С. 10.

²³ Sid. Epist. V. 17, 6.

²⁴ Ibid.

Тем самым риторика выражала краеугольный тезис античной культуры: примат единого над многим, нормы над прихотью, знания над интуицией, закона над частностью...»²⁵.

Для Сидония, как и для других позднеимперских авторов, характерны реминисценции стиля и цитирование известных писателей, редко употребляемые слова, изысканные архаизмы, бесчисленные метафоры. Содержание отходит на второй план, превращаясь в повод для проявления стилистического дарования. Каждый случай в жизни, каждое явление может вызвать произведение от письма или четверостишия до целой поэмы²⁶. Таковым, например, является письмо Сидония, полностью посвященное описанию своего поместья и его окрестностей (Sid. Epist. I, 2, II.).

Игра цитатами и переход к символически-аллегорическому отражению реальности характерны для языка и стиля не только Сидония, но и многих других авторов той эпохи²⁷. По мнению ряда исследователей, можно говорить о «новом» латинском языке (позднелатинском) как следствии определенного культурного сдвига, а не упадка культуры и образованности как таковой. Письма Сидония свидетельствуют о необыкновенной образованности, изысканности, утонченности интеллектуального сообщества²⁸.

Провинциальная элита, выставляя напоказ свою учёность, прославляла ее носителей в гиперболических комплиментах, типа «сама Агтика не была так аттична, и сами Музы так мусичны», [как ты]²⁹. Любовь к редкостным словам, неологизмам, панегирикам, поэзии галльская знать впитывала со школьной скамьи. Высшей заслугой считалось риторическое образование и обладание литературным талантом, например, у Сидония в панегирике на смерть священника церкви во Вьенне Клавдиана в качестве хвалебной характеристики приводятся такие слова:

...Диалектик, оратор, стихотворец.

Геометр, музыкант, знаток Писанья...³⁰

Целью научного и литературного образования V в. было не умение мыслить, а искусство рожать красивые парадоксы, и такой характер образования – одна из существенных причин поверхностности мышления большинства людей V в.³¹

Одной из причин тогдашнего «упадка интеллектуальной культуры», по мнению Ж. Ле Гоффа, была необходимость приспособить ее к условиям той эпохи, сделать культурное наследие античности доступным не только рафинированным аристократам, представителям «умирающего класса», но и «новым римлянам» – выходцам из среды варваров. «Наиболее образованные, выдающиеся представители новой христианской элиты вызывают удивление именно тем, что они, сознавая недостатки своего образования перед лицом великих предшественников, тем не менее, отказывались даже и от того запаса утонченной культуры, которым они еще владели или могли бы овладеть ради того, чтобы стать понятными своей пастве. Опроститься, чтобы завоевать сердца – таков был их выбор. И если он нам кажется не совсем удовлетворительным, то все же он производит впечатление»³².

Не лестно отзывался об общем уровне культуры современников и сам Сидоний: «...кто же, право, из наших современников не окажется пред делами предков полным бездельником, а пред их речами бессловесным младенцем? Ибо ведь дарованиями в этих искусствах правитель веков наделил по преимуществу древние века; когда же, с годами одряхления мира, дарования эти истощились и стали бесплодными, они в наше время и лишь у немногих являют что-либо удивительное и достопамятное»³³.

²⁵ Кнабе Г.С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999. С. 115-116.

²⁶ Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»... С. 20.

²⁷ Шкаренков П.П. «Variae» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры // Диалог со временем. 2. 2000. С. 95-109.

²⁸ Там же. С. 101.

²⁹ Sid. Epist. IV. 3.

³⁰ Ibid. IV. 11, 6.

³¹ Подробнее об этом см. Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи (политические взгляды Сидония). СПб., Сенатская типография, 1908.

³² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 109-110.

³³ Sid. Epist. VIII. 6, 3.

Сидоний никогда не утаивал своей великолепной образованности и использовал любую возможность, чтобы продемонстрировать свои познания в области риторики. В «Похвале Консентию» он перечисляет многочисленные размеры, которые и он, и его друзья используют при написании стихов (гекзаметры, пентаметры, трёхмерные трохеи, дактиль, спондей, одиннадцатисложник – 22-27); в «Послании о замке Понтия Леонтия» он сообщает, что, как и его кумир Стаций, не любит двустихия или четверостишия, но, следуя науке поэзии Флакка, «расширяет свой предмет, вставляя пурпурные лоскутья общих мест»³⁴.

Учеба в риторической школе дала Сидонию прекрасное владение греческим языком. Сидоний даже перевёл с языка оригинала сочинение греческого писателя II – III вв. Филострата Старшего «Жизнь Аполлония Тианского» (Epist. VIII.3)³⁵.

«Последние интеллектуалы» античной эпохи выполнили свою культурно-историческую миссию, передав в доступной форме основные элементы греко-римской традиции средневековой цивилизации. «Клонившийся к упадку античный мир облегчил труд христианских ученых первых веков Средневековья. <...> Средневековье узнало лишь то из античной культуры, что оно получило от Поздней империи, которая настолько перемолола, упростила и разложила греко-римскую литературу, мысль и искусство, что варваризованному Раннему Средневековью легко было их усвоить»³⁶.

По мнению исследователей Поздней античности, главным средством сохранения римского наследия и его проводником в будущие века была риторическая школа. Это был важнейший инструмент для духовного единения распадавшегося общества. Школа учила разнородное население Поздней империи общему образу жизни и общему образу мыслей. Влияние школы было уже влияния церковной проповеди, но оно было глубже. Если проповедь учила дорожить вечной жизнью, то школа объясняла систему ценностей земной жизни – давала общий язык культуры³⁷.

Провинциальная элита ценила «словесное знание», считала его эквивалентом знатности³⁸, сам Сидоний сделал блестящую карьеру благодаря своему поэтическому дарованию, красноречию, ораторскому искусству. Эти же качества делали мессы Сидония привлекательными для народа. По словам Григория Турского: «Сидоний был так красноречив, что часто мог, не приготовившись, говорить на любую избранную тему с большим блеском и без всякого затруднения. <...> Сидоний <...> так отслужил праздничную службу, что все присутствовавшие дивились, а стоявшим близко казалось, будто с ними говорит не человек, а ангел»³⁹.

Вообще же в изображении более поздних христианских авторов, например, у Григория Турского (ок. 540–594 г.) в «Истории франков» (II. 21-25) Сидоний предстает перед нами в совершенно ином образе. Здесь Сидоний выглядит вполне канонично. За каких-то сто лет образ Сидония трансформировался из светского интеллектуала в святого мужа благодаря усилиям христианской апологетики. По словам Григория Турского: «Сидоний всецело был предан служению Господу и вел в миру святую жизнь».

В своей «Истории франков» Григорий Турский употребляет эпитеты «святой», «блаженный»⁴⁰ применительно к образу Сидония и представляет его человеком глубоко религиозным и по-христиански альтруистичным: «Так как Сидоний отличался исключительной набожностью и, как мы упоминали, принадлежал к числу первых сенаторов, он нередко тайком от жены уносил из дома серебряную посуду и раздавал ее бедным. Когда она узнавала об этом, она сильно его бранила, и Сидоний, выкупив посуду у бедняков, приносил ее домой»⁴¹.

³⁴ Перфилова Т.Б. Две модели обучения философии в Римской империи // Ярославский педагогический вестник. № 3. 2004. С. 44, 45.

³⁵ Там же. С. 43.

³⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 108.

³⁷ Гаспаров М.Л. Авсоний и его время // Авсоний. Стихотворения. М., 1993. С. 256.

³⁸ Sid. Epist. VIII. 1.

³⁹ Hist. Franc. II. 22.

⁴⁰ Ibid. II.24.

⁴¹ Ibid. II.22.

После этих строк полезно посмотреть на письма Сидония, адресованные церковным иерархам (VI, 9-12; VIII, 15 и др.). В них церковной лексики и христианского духа ненамного больше, чем в прочих посланиях, которые стилистически от них ничем не отличаются.

Необходимо отметить, что до недавнего времени исследователи не придавали большого значения важности хронологического подхода к работам Сидония. Более предпочтительной считалась тенденция воспринимать его работы как продукт неизменной, целостной («монолитной») личности. Биограф Сидония К.И. Стивенс пишет по этому поводу: «Он был добросовестным обозревателем своего времени... Он был честным, достойным уважения человеком... Мы не видим развития его характера, но мы видим коллекцию точных и выразительных изображений, иллюстрирующих образ действий людей V века. Вокруг действий Сидония сконцентрирован его мир; это разнообразный мир, но он стоит неподвижно в его центре»⁴².

Однако, если подходить к работам Сидония, используя хронологический подход, можно обнаружить, что в действительности Сидоний был вполне динамичной и эволюционирующей личностью. Ему были свойственны переживания и сомнения. В какой-то мере по этой причине и отчасти из политических соображений между 469 и 476 гг. Сидоний сменил свои мировоззренческие парадигмы и переориентировался не только морально, но и принял сан епископа.

Тем не менее, для нас решающее значение имеет то обстоятельство, что Сидоний, может быть, и не осознавая этого, продолжал оставаться приверженцем языческой традиции, для него классическая античность не кончилась, он продолжает жить в ней, ее система ценностей вечна и нетленна. И это ярко отражалось в языке и стилистике его посланий.

В творчестве Сидония сочетается детальное отражение реалий его времени и поразительная способность к созданию с позиций образованного аристократа удивительной новой реальности, продолжающей римскую традицию и создающей иллюзию вечности Рима, когда этот мир уже пал и им правили варвары⁴³. Сидоний, для которого присутствие варваров на территориях, формально принадлежащих империи – это уже довольно неприятная реальность, иногда был и более резок в выражении своего презрения к варварам:

*...Раз живу я средь полчищ волосатых,
Принужденный терпеть германский говор
И хвалить, улыбаясь против воли,
Обожравшихся печенки бургундов,
Волоса умастивших тухлым жиром...⁴⁴*

Но отсюда же мы ясно видим, что римляне как побежденные вынуждены были смиряться с присутствием «в своем доме» победителей. В 471-475 гг. Сидоний как епископ защищал свой город от вестготов⁴⁵, но в целом выступал за мирное сосуществование галло-римлян и вестготов. Год заключения заставил его обратиться к королю Эвриху с полным леги панегириком, считая вестготов меньшим злом по сравнению с другими германскими племенами. Однако, местами прорывается его истинное отношение к варварам – горькое и отталкивающее (и здесь Сидоний следует классическим образцам – «Письмам с Понта» Овидия, правда, в прозе). Сидоний с презрительным удивлением относится к друзьям, выучившим германские наречия: этот «талант» он не считает полезным и необходимым. Образ Вечного Рима, персонифицированный в языческом образе Богини Ромы, выражает классические идеалы автора. Визит в Рим в 467 г. не вызвал у Сидония никаких опасений за судьбу империи – все показалось ему незыблемым и безмятежным. Ощущения «конца времен» у Сидония не возникло. И это главное в ментальности нашего героя: несмотря на германские вторжения в провинции, несмотря на более жесткие отношения между властью и

⁴² Stevens C.E. Sidonius Apollinaris and his age. Oxf., 1933 (ND Westport, 1979). P. 9.

⁴³ Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»... С. 24.

⁴⁴ Sid. Carmina, 12.

⁴⁵ См. также: Грант М. Крушение Римской империи. М., 1998. С. 50, 126 и др.

простолюдинами, Рим существует и не может исчезнуть. В этом отношении христианские теологи оказались гораздо проникательнее (Августин пишет свою эпопею с новой философией истории уже на фоне первого падения Рима в 410 г.). Но, быть может, это – сознательная «слепота». Сидоний не видел того, чего не хотел видеть.

Помимо темы варваров, реальная жизнь время от времени вторгалась на страницы посланий Сидония. Он написал ряд панегириков западным императорам. В 457 г. он в панегирике на восшествие на престол императора Майориана просит о снижении чрезмерного налогового бремени. Просьба была удовлетворена. Став епископом, Сидоний не смог избежать встреч с толпами просителей. Несколько раз он напоминает в своих письмах о староримских принципах поведения знатного аристократа, которые необходимо продолжать соблюдать. В нескольких случаях Сидоний прямо обвиняет знатных римлян Галлии, облеченных властью, в различных злоупотреблениях и грабежах своего собственного населения. Но и сам Сидоний позволил себе пытаться могильщиков, нечаянно потревоживших могилу его матери. Таким образом, по письмам Сидония создается впечатление полного произвола «сильных людей» в Галлии, которые сдерживаются лишь моральными принципами. Уже лежавшие в руинах города (как Нарбонн), он воспекает как памятники славного прошлого. Императорская резиденция Равенна вызывала у Сидония эстетическое неприятие из-за своих загрязненных каналов и стоячей воды в них. В панегирике Антемию Сидоний осознает обреченность западных императоров и высказывает пожелание о воссоединении всех частей империи под властью Константинополя.

Но несмотря на серьезную военную угрозу в лице варваров, слабость центральной власти, экономическую нестабильность, а в значительной степени и благодаря всем этим явлениям, важнейшее значение в эту эпоху приобрел культурно-религиозный кризис, конфликт между умирающей, но все еще достаточно сильной языческой культурой и христианством, усиливающимся не только посредством овладения умами и сердцами все большего числа людей, но и все чаще – замещения самого государства в его основных функциях. К началу V века христианство уже становится официальной религией умирающей империи.

Результатом борьбы старых и новых традиций стал их своеобразный синтез, а проводником античных идей были представители аристократии, стремившиеся занять высшие места в духовенстве, так как в тот период положение епископа давало больше реальной власти, чем любой государственный пост. Из писем Сидония (в частности, Sid. Epist. V. 17 и мн. др.) видно, как классическая древность и старые общественные привычки проникали в высшее христианское духовенство, в эпоху падения Западной Римской империи, в противоположность нравам и обычаям представителей древней христианской общины. Такой переворот был следствием не деморализации самой общины, но изменением ее отношения к высшему светскому сословию империи: христианские епископы, несмотря на отсутствие официального характера, имели больше действительной власти над обществом, нежели чиновники, а потому высшая аристократия, как то представляет и Сидоний, старалась приобрести епископские места. Поэтому само избрание и жизнь таких епископов отразили на себе характер светского сословия империи, с его привычками и любовью к изящной и философской классической литературе. Но при этом высшее духовенство продолжало сохранять то же влияние на широкие слои населения, и при разрушении светского государства оставалось в то время единственной действительной властью⁴⁶.

Таким образом, необходимо признать, что попытка взглянуть на эпоху глазами ее современников, а не поздних интерпретаторов, является, несомненно, плодотворной, дает возможность составить наиболее реальную картину происходящего, убедиться в том, что ментальный образ человека поздней античности (по крайней мере, интеллектуала) характеризовался устойчивой приверженностью римскому образу жизни, классическим ценностным ориентирам, традициям. Главную цель своей жизни «последние римляне»

⁴⁶ История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого. С. 160.

видели в сохранении староримских традиций и передачу их в наследство потомкам. С этой задачей они в определенной мере справились⁴⁷.

TO IMAGE OF APOLLINARIUS SIDONIUS: A MAN OF LATE ANTIQUITY

E.V. LITOVCHENKO

**Belgorod
State University**

E-mail:

Litovchenko@bsu.edu.ru

This article is dedicated to one of the aspects of transitional historical epoch – the Late Antiquity. The microlevel of history, the “anthropological point of view” to the historical process is a stimulant for the research of some questions, such as, the influence of the global historic epoch, of the transformation of civilizations paradigm to the human mentality. Sidonius Apollinaris, late roman aristocrat and writer, show the best correlation with this role. Nominally adopted Christianity and even accepted a post of bishop, Sidonius was the incarnation of the world view of the “last Roman”, which was the keeper of declining culture. The author is coming to a conclusion, that Sidonius reacted upon the historical events in V centuries Rome, but preferred to keep his conservative ideals. On the superficial signs the image of Sidonius Apollinaris in new times of the Middle Ages was interpreted on the attitude of medieval cultural paradigm.

Key words: Late Antiquity, Gaul, bishop, letters, panegyric, emperor, continuity, civilization, mentality, aristocracy, barbarians, tradition.

⁴⁷ См.: Goffart W. Rome's fall and after. L., 1989 и др.

